

Р И А Н О Н   Н А В И Н

ДОБРОЙ НОЧИ,
ЭНДИ!

АРКАДИЯ
Санкт-Петербург
2019

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)
Н15

Rhiannon Navin
ONLY CHILD

Перевела с английского

Елена Алешина

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник
Светлана Ихсанова

Печатается с разрешения литературного агентства
Folio Literary Management, LLC

Навин Р.

Н15 *Доброй ночи, Энди!* : [роман] / Рианон Навин; [пер. с англ. Е. Алешиной]. — СПб. : Аркадия, 2019. — 352 с. — (Серия «Перекрестки»).

ISBN 978-5-906986-74-0

Как жить, когда близкие сходят с ума от горя? Пятиклассник Энди погибает от пули, выпущенной вооруженным психопатом в коридоре школы. Похоронив сына, родители, каждый по-своему переживая утрату, замыкаются в себе и все дальше отдалаются друг от друга.

Сможет ли младший брат Энди, семилетний Зак, вернуть в семью утраченные любовь и взаимопонимание, ведь мальчик поставил перед собой такую цель и идет к ней с оптимизмом и упрямством, свойственным лишь детям?

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)

© Mom of 3 LLC., 2018

© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление

ООО «Издательство Аркадия», 2019

ISBN 978-5-906986-74-0

*Посвящается Бреду, Сэмюэлю,
Гэретту и Фрэнки*

Посвящается маме

Я заставляю себя смело смотреть в темноту.
Если я мужественно стою и не пасую перед
тем, чего боюсь, у меня появляется возмож-
ность победить.

Если же я буду постоянно увиливать и пря-
таться, — проиграю.

*Мэри Поуп Осборн.
«Моя тайная война. Дневник Второй
мировой войны Мэдлин Бек».
Лонг-Айленд, Нью-Йорк, 1941*

День перестрелки

Больше всего в день перестрелки мне запомнилось дыхание учительницы, мисс Расселл, — жаркое и отдающее кофе. В шкафу было темно. Свет проникал только в щелку, там, где дверца шкафа, которую мисс Расселл держала изнутри, прилегала к откосу. С внутренней стороны дверцы отсутствовала ручка — болталась только какая-то железка. Учительница сжимала ее большим и указательным пальцами и тянула на себя.

— Сиди тихо, Зак, — прошептала она. — Не шевелись.

А я и не шевелился, хотя сидел, подвернув под себя левую ногу, из-за чего ее кололи иголки, и мне было очень больно.

Когда мисс Расселл говорила, я чувствовал ее кофейное дыхание щекой, и мне это не очень нравилось. Пальцы учительницы дрожали на железке. Ей приходилось успокаивать Эвангелину, Дэвида и Эмму, потому что все они, скопившись за мной в глубине шкафа, плакали и постоянно издавали какие-то звуки.

— Ребята, я здесь, с вами, — уговаривала мисс Расселл, — и я вас в обиду не дам. Ш-ш-ш-ш, пожалуйста, не шумите.

До нас по-прежнему доносились хлопки. И крики.
Хлоп! Хлоп! Хлоп!

Все это очень напоминало игру «Звездные войны», в которую я иногда играю на приставке «Иксбокс».

Хлоп! Хлоп! Хлоп!

Каждый раз по три хлопка, а потом снова тишина. Тишина или крики. Услышав хлопки, мисс Расселл начинала слегка вздрагивать и шептать быстрее:

— Замрите!

Эвангелина икала.

Хлоп! Ик. Хлоп! Ик. Хлоп! Ик.

Кто-то, наверное, надул в штаны, потому что запахло, как в туалете. Пахло дыханием мисс Расселл, мочой и нашими куртками, которые еще не высохли после дождя, под который мы попали на перемене. «Не заигрывайтесь на улице», — предупредила миссис Коларис. «Мы что, сахарные, что ли?» Дождь нам был нипочем. Мы гоняли в футбол и еще играли в копов и преступников, поэтому волосы и куртки у нас вымокли. Я попытался повернуться, поднять руку и пощупать, очень ли мокрыми были наши куртки.

— Не шевелись, — шепнула мисс Расселл. Она поменяла руку, чтобы дальше держать дверцу, при этом ее браслеты звякнули. Мисс Расселл всегда носит много браслетов на правой руке. На некоторых из них висят маленькие штучки, которые называются шармами. Они напоминают ей о каких-то особенных моментах. Она привозит новый шарм из каждого отпуска, чтобы потом вспоминать о том, как провела время на отдыхе. Когда мы только пришли в первый класс, учительница показала нам все свои шармы и рассказала, откуда взялся каждый из них. Самый новый, в виде лодочки, появился у нее на летних каникулах. Шарм был уменьшенной копией настоящей лодки, на которой она очень близко подплывала к водопаду под названием Ниагарский. Это в Канаде.

У меня сильно затекла левая нога, и я попытался вытящить ее из-под себя так, чтобы не заметила мисс Расселл.

Мы только пришли с перемены, повесили в шкаф куртки и достали учебники математики, когда раздались эти хлопки. Вначале они доносились откуда-то издали, вроде как из коридора внизу, где стоит стол Чарли. Когда родители приходят в школу, чтобы забрать детей домой или заглянуть в кабинет медсестры, они всегда останавливаются возле стола Чарли, записывают свое имя и показывают водительское удостоверение. Им дают бейджик «Посетитель» на красном шнурке, который надо повесить на шею.

Чарли — это охранник в школе «Маккинли». Он работает тут уже тридцать лет. В прошлом году, когда я еще ходил в детский сад, мы отмечали в актовом зале тридцатилетие его работы. Даже многие родители пришли, потому что он уже охранял школу в то время, когда они сами были детьми и учились в «Маккинли», как мама. Чарли говорил, что не нужно ничего отмечать. «Я и так знаю, что все меня любят», — отпирался он и смеялся своим забавным смехом. Но празднование все равно состоялось, и, мне кажется, ему это очень понравилось. Чарли развесил часть рисунков, которые мы ему подарили, возле своего стола, а остальные забрал домой. Мой рисунок оказался прямо в центре, как раз напротив стола, так как я очень хорошо рисую.

Хлоп. Хлоп. Хлоп.

Сначала хлопки были тихими. Мисс Расселл объясняла нам, какие страницы в учебнике математики мы будем проходить в классе, а что нужно будет сделать дома. Услышав хлопки, учительница замолчала и нахмурила лоб. Она подошла к двери, посмотрела через стекло в коридор и пробормотала: «Что за...».

Хлоп. Хлоп. Хлоп.

Потом она одним широким шагом отступила от двери и произнесла: «Дерьмо». Она правда это сказала.

Слово на букву «Д». Мы все его услышали и засмеялись: «Дерьмо». Сразу после этого из переговорного устройства на стене раздались какие-то звуки и слова: «Изолироваться, изолироваться, изолироваться!» Это был голос миссис Коларис. Когда мы раньше тренировались, как действовать, услышав эту команду, миссис Коларис говорила через переговорное устройство «Изолироваться!» всего один раз. Но в тот момент слово прозвучало много раз и быстро.

Мисс Расселл побледнела, и мы перестали смеяться, потому что она выглядела не так, как обычно, и совсем не улыбалась. От выражения, которое вдруг появилось на ее лице, я так испугался, что стало трудно дышать.

Мисс Расселл несколько раз прошла туда и обратно мимо двери, как будто не знала, куда идти. Потом решительно заперла дверь на ключ и выключила свет. В окна не светило солнце, потому что на улице шел дождь, но мисс Расселл все равно подошла и опустила шторы. Она затараторила очень быстро дрожащим и немножко визгливым голосом:

— Вспоминайте, что мы делали, когда тренировались изолироваться.

Я помнил, что «изолироваться» — значит не выходить наружу, как при пожарной тревоге, а наоборот, оставаться внутри и прятаться.

Кто-то в коридоре очень громко заголосил. У меня задрожали коленки.

— Дети, все в шкаф! — скомандовала мисс Расселл.

Когда мы репетировали изолирование, это было весело. Мы воображали себя бандитами и сидели в шкафу всего минуту, после чего Чарли отпирал снаружи дверь класса своим особенным ключом, подходящим ко всем замкам в школе, и говорил: «Это я, Чарли!» И мы сразу понимали, что тренировка закончена. А в этот раз мне не хотелось лезть в шкаф, поскольку туда уже набились

почти все и было слишком тесно. Но мисс Расселл положила руку мне на голову и впихнула внутрь.

— Поторопитесь, ребятки, быстрее! — велела она.

Дэвид, некоторые другие дети и особенно Эвангелина заплакали и стали проситься домой. Я тоже почувствовал слезы на глазах, но мне не хотелось, чтобы они струились по щекам и друзья увидели, что я плачу. Я проделал «сжимательный трюк», которому научила меня бабушка. Надо надавить пальцами на нос с двух сторон в том месте, где он из твердого становится мягким, и тогда слезы не потекут. Бабуля научила меня этой хитрости на детской площадке, когда я однажды собирался зареветь из-за того, что меня столкнули с качелей. Она сказала тогда: «Не показывай им своих слез».

Мисс Расселл затолкала всех в шкаф и закрыла дверцу. Все время, что мы там сидели, были слышны хлопки. Я начал считать их про себя.

Хлоп — 1, хлопок — 2, хлопок — 3.

У меня пересохло и запершило в горле. Очень хотелось пить.

Хлоп — 4, хлопок — 5, хлопок — 6.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста», — зашептала мисс Расселл. Потом она заговорила с Богом и назвала его «Боже милостивый», а дальше я ничего не разобрал, потому что мисс Расселл шептала совсем тихо и очень быстро. Наверное, она хотела, чтобы ее слышал только Бог.

Хлоп — 7, хлопок — 8, хлопок — 9.

Все время по три хлопка и... тишина.

Мисс Расселл вдруг подняла голову и сказала: «Дерьмо». Опять. И «Мой телефон!» Она приоткрыла дверцу и, пока хлопков не было слышно, распахнула ее совсем. Пригнувшись, пробежала через весь класс к своему столу, потом помчалась обратно к шкафу. Она опять закрыла дверцу и на этот раз попросила подержать за торчащую

железку меня. Я послушался, хотя железка больно впи- валась в пальцы, а держать дверцу закрытой оказалось трудно. Пришлось ухватиться обеими руками.

У мисс Расселл так сильно тряслись руки, что из-за этого дрожал и ее телефон, когда она проводила пальцем по экрану и набирала пароль. Она нажимала неправиль- ные цифры, а когда так делаешь, то цифры на экране вибрируют и приходится набирать заново. «Давай же, давай же, давай...» — твердила мисс Расселл и в конце концов у нее получилось. Я увидел ее пароль: 1989.

Хлоп — 10, хлопок — 11, хлопок — 12.

Я смотрел, как мисс Расселл набирает 9—1—1. Ког- да в трубке ответили, она сказала: «Да, здравствуйте. Я звоню из начальной школы „Маккинли“. В Уэйк- Гарденс. На Роджерс-лейн». Учительница говори- ла очень быстро, и в свете, исходящем от экрана ее телефона, я вдруг увидел, что она нечаянно плюнула мне на ногу. Пришлось оставить это как есть, потому что руки у меня были заняты дверцей. Я не мог сте- реть слюну и просто тарашился на это место у себя на штанах — пузырь из слюны и испытывал отвраще- ние. «Здесь вооруженный преступник и он... Хорошо, я остаюсь на линии». А нам она прошептала: «Кто-то уже сообщил». Вооруженный преступник. Вот как она сказала. И больше я уже ни о чем не мог думать, кроме как о преступнике.

Хлоп — 13, вооруженный преступник, хлопок — 14, во- оруженный преступник, хлопок — 15, вооруженный пре- ступник.

В шкафу стало трудно дышать и сделалось очень жар- ко, как будто мы израсходовали весь воздух. Мне хо- телось приоткрыть дверцу, чтобы впустить хоть каплю свежего воздуха, но было очень страшно. Я чувствовал, как сердце колотится на суперскорости у меня в груди и даже где-то в горле. Николас рядом со мной сильно

зажмурился и часто сопел. Он тратил слишком много воздуха.

Мисс Расселл тоже закрыла глаза, но ее дыхание было медленным. Я чувствовал запах кофе, когда она делала «хуууу», выдыхая воздух. Потом она открыла глаза и снова зашептала нам. Она назвала каждого по имени: «Николас. Джек. Эвангелина...» А когда она произнесла: «Зак, все будет хорошо», — стало легче. Учительница сообщила нам всем:

— Полиция уже возле здания. Они спешат на помощь. А я здесь, с вами.

Я был рад, что она была с нами, а от ее слов мне стало не так страшно. Кофейный запах уже не раздражал так сильно. Я представил, что чувствую папино дыхание, когда он завтракает дома утром в выходной. Один раз я попробовал кофе, и мне не понравилось. У него очень жгучий и какой-то странный вкус чего-то старого. Папа засмеялся: «Ну и хорошо, а то расти будешь медленно». Я не знаю, что он имел в виду, но мне очень захотелось, чтобы папа находился сейчас рядом. А его не было. Были только мисс Расселл, мои одноклассники и эти хлопки...

Хлоп — 16, хлопок — 17, хлопок — 18.

...которые стали уже по-настоящему громкими. Кричали теперь уже в коридоре, а плач в шкафу стал еще сильнее. Мисс Расселл перестала разговаривать с нами и взмолилась в телефон:

— О господи, он приближается. Вы скоро? Вы скоро?

Николас открыл глаза, бухнул: «Ох!» — и тут его вырвало. Прямо на футболку. И немного того, чем его стошнило, попало на волосы Эммы и на мои туфли сзади. Эмма громко взвизгнула, а мисс Расселл зажала ей рот рукой. Учительница выронила телефон, и он упал в вонючую лужу на полу. Через дверь я услышал вой сирен. Я здорово умею различать разные виды сирен: пожарных машин, полицейских, скорой помощи... Но тут

с улицы шел такой шум, что я не смог ничего определить. Все перемешалось.

Хлоп — 19, хлопок — 20, хлопок — 21.

Вокруг было жарко, мокро и плохо пахло. От этого у меня начала кружиться голова, и в желудке тоже сделалось нехорошо. Но вдруг все стихло. Хлопков больше не было, слышались лишь плач и икота в шкафу.

Но ДАЛЬШЕ раздалась целая КУЧА хлопков совсем рядом с нами, сразу целая очередь. И еще громкий звук — такой бывает, когда что-то ломается и рушится. Мисс Расселл закричала и закрыла уши руками, и мы тоже завопили и закрыли уши. Дверца шкафа открылась, потому что я выпустил из рук железку, в шкаф хлынул свет и ослепил меня. Я старался дальше считать хлопки, но их было уже немного. А потом они прекратились совсем.

Все затихло. Даже мы. Все сидели, не шелохнувшись. Казалось, мы даже дышать перестали. И эти тишина и спокойствие продолжались очень долго.

А потом кто-то подошел к двери нашего класса. Было слышно, как дергают за ручку, а мисс Расселл выдыхает небольшими порциями, вот так: «Хух, хух, хух...» В дверь постучали, и громкий голос спросил:

— Здесь есть кто-нибудь?

Боевые шрамы

— Все хорошо. Полиция здесь. Все закончилось, — произнес громкий мужской голос.

Мисс Расселл встала и, с минуту подержавшись за дверцу шкафа, сделала несколько шагов в сторону двери, медленно-медленно, как будто разучилась ходить или у нее, как и у меня, от долгого сидения в ногах кололи иголки. Я тоже поднялся, и за мной все остальные потихоньку, осторожно вышли из шкафа.

Мисс Расселл отперла дверь, и класс наводнили полицейские. В коридоре их оказалось еще больше. Одна женщина в полицейской форме обнимала нашу учительницу, а мисс Расселл издавала громкие звуки, как будто подавилась. Мне хотелось быть поближе к учительнице и стало холодно, потому что теперь мы все были рассредоточены и уже не грели друг друга. Все эти полицейские смущали и пугали меня, и потому я вцепился в кофту мисс Рассел.

— Хорошо, ребята, подойдите, пожалуйста, все к доске, — попросил один из полицейских. — Можете построиться вот здесь?

За окном выли сирены. Я не мог посмотреть, что происходит снаружи, поскольку окна у нас в классе высоко, и выглянуть на улицу можно, только взобравшись на стул или стол, но делать этого мы не должны.